

ЧАСТЬ I

...Имея несчастье в продолжение двух лет страдать галлюцинаторным помешательством и сохранив после выздоровления способность вызывать известного рода галлюцинации по произволу, я, естественно, мог на себе самом заметить некоторые условия происхождения чувственного бреда.

В. Х. Кандинский.

К учению о галлюцинациях. 1880

Волны сшибались друга о друга, как в дурацкой драке. Завели мину под сторожевой турок, но провод от гальванической батареи. Испарялся в расвете последний день апреля 1877 года, когда «Великий князь Константин» подошел к Батуму. Три мачты лоснились на весеннем бризе. Минные катера неслись без оглядки, как зайцы от гончих, по мерцающим волнам к спасительному борту. И улыбались матросы с глазами навывкате, и нагло ухмылялись офицеры.

Виктор подумал о своей невыносимой гранитной тоске — какого цвета эта тоска? Светло-серого, как глаза водяных демонов, или розовато-красного, как пенящийся кровавый фонтан?

Еще он подумал, что палуба соединяет звуки — во-круг, снизу и сверху, как дирижер, — и он не может разобрать голоса в его голове. Их команды и крики превратились в тонюсенькую мелодию. Раньше он зажимал руками уши и напевал — чтобы только их заглушить. А теперь — теперь ему во что бы то ни стало требовалось их услышать. Как можно точнее.

Он подумал: голоса-то в его голове. Они особенные, с них станется и без слов обойтись. Они могут из голосов превратиться в гобелены. Или в запахи. Или даже в молчание — предельно понятное молчание. Стоит перестать вслушиваться — и услышишь. Увидишь, унюхаешь. А может — поймешь, сразу поймешь.

Старпом «Великого князя Константина» ощерился белозубо на врача, младшего ординатора флота его высочества герцога Эдинбургского экипажа господина Кандинского:

— Напортачили ребята, шпарят по миноноскам турки, послал вам Господь дырок штопать сегодня, Виктор Хрисанфович!

А через пять минут Кандинский прыгнул за борт. Не от страха, не от истерики, не от безумия — ему позарез нужно было утопиться.

Когда он тонул, ему показалось, что рядом с ним ввинчивались в пучину четверо незнакомцев. Но после точности голосов в голове тонущие напоминали зыбкий сон. Он не мог удержать в памяти их лица, хотя бы на секунду.

Потом его чудом спасли — чтобы спустя годы выдающейся научной карьеры он все-таки покончил с собой, в этот раз аккуратно и без ошибок. А потом начался XX век. Век синдрома психического автоматизма, на-

званного в его честь. Век варварства и прогресса, век газовых камер и полетов в космос. Век самозванцев и сирот, век срезанных судеб и немыслимых надежд.

* * *

Алиса Кандинская взлетела до небес к тридцати семи годам — потом она любила шутить, что это доказательство компатибилизма. Девочка, вяло сопротивлявшаяся очкам от дальнозоркости, стала разбойничьей атаманшей ледяных пустошей академической науки.

Впрочем, она не могла БЫТЬ Кандинской. Кандинской ей предстояло СТАТЬ.

И проще начать отсюда, поскольку легче начинать с того, что закончилось. Не случайно листва кладбищенских деревьев выглядит такой сочной и такой свободной. От старта легче бежать в сторону, противоположную финишу.

* * *

Много лет спустя, когда мы с тобой поженились, ты избегала встреч со старшей сестрой — тебя бесило, что когда-то она слишком сильно тебе нравилась. Мне это было понятно, а Юрке — нет.

Но стоило тебе забраться под мокрую от июля простыню, и ты врывалась в мою хрупкую дремоту: ты говорила об Алисином первом кольце: желтом квадрате с нижней дужкой и каратовым разрывом, плещущимся сиянием над золотом тигриных зрачков. Или шептала

о тараканьей материнской ласке, забиравшей ломкими ногтями в Алисину шевелюру. Или о сухом кашле тощего безумия Юркиной школьной любви.

Как у Кузмина — «четыре сестры, четыре сестры нас было... А может быть, нас было пять?» Я открывал пьяные глаза навстречу треснувшей балке в темной спальне. И считал, считал — сколько вас? Вроде две. Алиса, Оля.

Ты рычала тигрицей, обманутой в первородстве, и стада маленьких антилоп, заслышав тебя, неслись в испуге вдоль белых дюн простыни. А когда сон покидал меня на мгновение, я переворачивался на другой бок, лицом к тебе, и обнаруживал, что ты давно спишь.

* * *

Когда Алисе исполнилось семь, ее отец, Павел Иванович Дроздов, разбудил дочь очень рано и повел на Москву-реку.

Дроздов часто втолковывал супруге Марии Николаевне: не перебарщивай с серьезным, серьезного должно быть мало, иначе никто не воспримет всерьез. Но ваша мать пропускала все мимо ушей в отличие от Алисы. Дети хорошо запоминают слова, подтвержденные поступками.

И тем пасмурным утром Алиса, еще на пути к набережной, своими зелеными глазами фиксировала каждую букву мира. Она превратилась в объектив камеры. Общий план, деталь, узкий фокус. Переключаясь с одного на другое, Алиса остановилась на потрепанном бульдого, волочившемся за мальчиком в свитере с дыркой у ворота. Мальчик спал на ходу, сжимая в руке бесполезный ошейник, и, сбиваясь с шага, начинал крутить головой в поис-

ках собаки. Но бульдог неизменно оказывался прямо под ногами, поэтому мальчик находил его не сразу.

Алиса подумала, что мальчик похож на фонарь маяка на вершине темного утеса, с обложки книжки о пиратских сокровищах. На обложке был нарисован белый луч, режущий бурные волны. Маяк искал заблудившиеся в ночи корабли. И Алисе казалось, что корабли обменивались с утесом слепотой — луч возвращал зрение рулевым, отбирая его у хранителя маяка. Старый бульдог лавировал по улицам, словно парусник в потоке невидимого света.

Отец с Алисой спустились по бетонным ступенькам к самой реке и сели на мокрую скамейку. И Павел Иванович начал тихо рассказывать дочери первую важную историю ее жизни. Она будто на время оглохла — как ослеп маяк на утесе. А потом звук вернулся, и с ним вернулась неторопливая речь отца:

— ...когда закрыли Нерчинский детдом, ребяташек распределяли по всей области. Знаешь, где Чита? Чита в Сибири, далеко. Но как-то так вышло, что двух девочек-сирот отправили в Москву. Тебя в том числе. Ты совсем маленькая была. Сколько? Ну, годик с небольшим. И совершила такое огромное путешествие на поездах через весь Союз. А у нас с мамой детей сделать не получалось, хотя мы старались, я разные лекарства доставал маме из-за границы. И мы решили взять ребеночка из детдома.

Алиса спросила:

— Сирота — это когда сама родилась, без мамы?

Отец улыбнулся:

— Сама не родишься. Но если мама тебя решила не забирать или умерла после родов, а папа маму бросил, например, или погиб, как на войне, — тогда тебя из больницы отправляют в детдом. И ты — сирота.

— Значит, им пришлось меня родить? — уточнила Алиса. — Но потом я им не понравилась, и они умерли?

— А может, они тебе не понравились. Какая разница.

Дальше Павел Иванович рассказал, что сразу решено было брать девочку, потому что ему хотелось дочку, а мама хоть и думала про мальчика, но чувствовала себя виноватой, что не может сама родить, и согласилась. И они нашли Алису практически в один присест — с первого же визита в детдом в Новых Черемушках. Оставалось только бумаги оформить.

А кто ее бывшие мама с папой? Алиса всегда была, что называется, «по делу». Никаких как, зачем, почему и слезок. Павел Иванович за это дочку и любил, и доверял ей. Раз ей семь исполнилось, она достаточно взрослая, чтобы знать все как есть.

Он сказал, что запрашивал загсы в свое время в Нерчинске и Чите через знакомых по институту. Загсы — это где записывают любые важные события о людях. Получил информацию об отце Алисы — некто Иванов Василий Архипович, родился в 1930-м, умер в 1987-м, работал водителем автобуса. Про ее мать в записях ничего не значилось.

— А вам я по-настоящему дочка?

— По-настоящему.

* * *

Последние иногда становятся первыми довольно странным образом. Ты родилась через год после того, как твои удочерили Алису. Видимо, лекарства в итоге помогли. Ты стала первой родной дочерью. Тебе отец ничего

Квартет Кандинской

рассказывать про Алису не собирался и матери тоже запретило. И очень напрасно — ты ему этого так и не простила.

* * *

Мы целовались утром в ванной. То есть ты давала целовать себя в шею и между лопаток, пока чистила зубы. И вдруг ты пожаловалась, что тебя даже не пытались отдать в музыкальную школу.

В доме у сестер много общего — комнаты, кровати, шкафы, куртки, шапки, трусы, колготки, пластинки, книжки, репетиторы, помада, родственники, новогодние подарки, отцовская щетина, замечания в школьных дневниках, наказания, тайны и даже слезы. Но белый рояль «Блютнер» с золотыми педалями к общим вещам не относился.

Я помню, как ты повернулась ко мне, как побледнело твое лицо, как потемнели глаза. И в ванной словно погас свет, и, если бы не приоткрытая дверь в спальню, я бы потерял тебя из виду. И я вцепился в тебя руками, я шарил как слепой котенок по твоей ночнушке, по тонким плечам, прижимался губами к твоей маленькой груди, вдыхал, словно утопающий, запах твоих волос и твоих подмышек.

Стоило тебе сказать слово — и я бы накинул пальто на голое тело, выскочил во двор, прыгнул в свою «шестую», вдавил педаль, оставив ключи зажигания в замке, нырнул в подъезд твоих родителей, стучал им в дверь, а когда бы мне открыл Павел Иванович — молча ринулся в гостиную, уперся рукой об стену и бил ногами по золотым педалям белого рояля, пока бы не отломал.

Павел Иванович был знаменитым неврологом в Союзе, завкафедрой и будущим академиком. Квартира в Хамовниках, дача в Малаховке. Алису он полностью устраивал — кого волнует дурацкий Иванов, давно умерший в Чите?

А вот с приемной мамой, Марией Николаевной, было сложнее. Нет, она Алису любила, растила и все такое, но сама казалась какой-то призрачной. Тихий голос, хлипкое здоровье. Летом грядки с ремонтантной клубникой, зимой засолы в банках. Вялая блеклая женщина, умудрившаяся состариться к сорока годам в абсолютно счастливом браке и умереть от тромба в одно мгновение, когда вытирала тарелки.

Алисе исполнилось в том году шесть, она пошла в школу, мать ее собирала — банты, форму тогда уже отменили, букет гладиолусов. А в четвертый класс ее пришлось собирать отцу — летом Марии Николаевны не стало.

Девочки в школе серьезно обсуждали, как теперь ее отцу быть. Все с опытом, у половины родители развелись или не расписались. Женится опять или нет?

Алиса принадлежала к тому редкому виду отличниц, которых уважают, которым не надо избегать других, с которыми хотят дружить все, включая коротышку хулигана Решкова, — от него вечно воняло, и никто не хотел сидеть с ним за одной партой, но она знала, что Решков живет один со слепой бабушкой и стирать ему некому, и когда одна из этих напрочь теперь забытых подруг, Анечек или Леночек, надела ему на голову описанный мешок из-под сменной обуви, Алиса сказала ей, что те-

перь Анечка (или Леночка) будет стирать Решкову одежду, — просто сказала, а та просто послушалась.

Алиса знать не знала, хотел ли отец еще раз жениться, — ее это не очень интересовало. Конечно, ей было не наплевать, но она была в отце уверена — он все делает правильно. Плюс у нее с Павлом Ивановичем был План — именно так, с большой буквы. Они в этом Плане все расписали — занятия учебной, книги, спорт, музыка, ничего не забыли.

К пятому классу мальчикам, желающим за ней ухлестывать, приходилось искать лазейки в довольно напряженном графике — между уроками пианино, занятиями языками и восточными единоборствами (никаких карате, чтобы не портить руки, — только джиу-джитсу).

А жизнерадостный Юрка Демин все-таки нашел подход — он пригласил Алису домой, сказав, что у родителей очень крутая библиотека. И не соврал — библиотека была внушительной, а его импозантная мать занималась не абы чем, а психоанализом! Хотя в середине девяностых в Москве это было скорее модой, чем профессией.

Тем не менее у Юры дома Алиса прочла (с собой книг не давали никогда — такой читальный зал) Фрейда, Блейлера, Юнга, Берна, Бека, Лакана, Бехтерева и остальных. Плюс к этому у Юрки всегда водились наличные, и за счастье ее лицезреть ему приходилось расплачиваться в книжных на Кузнецком Мосту, Новом Арбате и Тверской. Скорость чтения у Алисы зашкаливала еще тогда — за ночь могла освоить целую книгу и потом идти в школу.

При выборе вуза трений с Павлом Ивановичем не возникло — Первый мед устраивал обоих. Но в последнем классе случилось то, чего отец предвидеть не мог, —

круговерть Алисиных успехов застала даже его врасплох. Он понял, что их План (тот самый, с большой буквы) стал теперь исключительно ее Планом. И Павлу Ивановичу стало невыносимо горько — словно дочка ему досталась только на время.

Алиса о чувствах отца не думала и, вероятнее всего, не имела о них ни малейшего понятия. Ей исполнилось восемнадцать, и, приступив к чудесам в институте, она параллельно занималась какими-то делами, но его в них не посвящала. Спустя еще год Павел Иванович ошарашенно изучал престижный французский научный журнал с дочкиной статьёй о символизме в предсознательном, а на третьем курсе она выиграла международный конкурс пианистов в Лейпциге и заявила ему, что с музыкой связывает — чтобы посвятить себя теоретической психиатрии.

Настоящий конфликт случился в день ее двадцатилетия: Алиса пришла домой с новым паспортом, в котором значилась фамилия Кандинская. Впрочем, и конфликт вышел односторонним — Алиса честно не понимала, из-за чего весь сыр-бор.

* * *

Каменные иглы страхов наших отцов. Единственная дверь без замка, и звенят ключи в глубоких карманах бессмысленности, а потом усталый сухогруз ждет, пока его отцепят от буксира и... — и что дальше? Не случайно лебединую песню метафизики можно запросто принять за волчий вой. Удивительная важность наследства, которое не хотят передавать и боятся получить.

Твоей сестре все легко давалось. Но ты-то прекрасно знала, что никому на самом деле сложное легко не дается. Ты злилась, потому что Алиса сильная, умная и не боится ничего и никого. Ты ошибалась, моя милая, но откуда тебе было знать?

Однажды ты мне рассказала свою историю со страхом.

Лет в десять ты пришла к отцу в мастерскую. Павел Иванович обожал возиться со старыми часами. В тот раз в мастерской он сидел не один — у вас гостил его брат. Подождав, пока отец отложит в сторону разобранный брегет с оловянным корпусом, тихим, но четким голосом ты сообщила ему, что один из мальчишек в школе плюнул тебе в лицо. Ты, как и Алиса, никогда не плакала, но отец всегда видел, когда его вторая дочь на взводе, — ты в такие моменты переставала моргать.

— Я уже три раза дралась, я не трусиха. А он все равно плюнул в меня.

И тут ты неожиданно услышала голос дяди:

— Паш, дай мне с племянницей поговорить.

Павел Иванович не проявил особого воодушевления, но и возражать не стал, просто вышел из мастерской — все равно приближалось время семейного обеда.

Дядя посадил тебя к себе на колени и заговорил тихим голосом, напоминавшим отцовский:

— Оля, тебе не нужно все время драться, чтобы тебя не обижали. Драться вообще не стоит — только когда нет другого выхода. Чтобы тебя не обижали, нужно совсем другое.

— Что?

— Нужно, чтобы тебя боялись. Тогда драться не придется.